

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

*Работа представлена кафедрой русской литературы XX века
Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Шаравин*

В статье рассматриваются способы организации пространства в поэтической вселенной Александра Башлачева. Пространственные объекты в творчестве поэта разделены на два уровня: сакральный (природа) и профанный (город). В работе доказывается, что Башлачев использовал мифологические пути создания оппозиции природа – город.

The article is devoted to the methods of spatial organization in the poetical universe of Alexander Bashlachev. The spatial objects in the heritage of the poet are divided into two levels: the sacral (nature) and the common (city) ones. The article shows that Bashlachev used some mythological ways of creating the opposition «nature – city».

Одной из важнейших категорий мифа является категория пространства: «Представление о пространстве оказалось одним из основных моментов мифологического мышления»¹. Александр Башлачев, как поэт, создававший авторскую мифопоэтическую вселенную, конечно, не мог не обойти своим вниманием категорию пространства, причем башлачевский миф системен на многих уровнях, в том числе и на пространственном. Некоторые пространственные объекты «кочуют» из одной песни в другую, и самый яркий пример здесь, пожалуй, мотив реки, вдоль которой растет лес и горят огни. Проиллюстрируем нашу мысль цитатами. «Егоркина былина»: «Как горят **костры** у Шексны-**реки**»; «Ванюша»: «Как ходил Ванюша вдоль синей **речки**», «Не видя, **звезды** горят, **костры** ли... пройдет вдоль **речки**, / да темным **лесом** поковыляет»; «Посошок»: «Перевязан в венки

мелкий **лес** вдоль **реки**... у последней заставы мелькнут **огоньки**». Вообще река у Башлачева является, наверное, самым сакральным локусом. Этот мотив поэт явно заимствовал из мифологии: у Башлачева река также является границей между миром живых и миром мертвых. Особенно ярко это проявляется в упоминавшихся песнях: «Ванюша», «Егоркина былина», «Посошок», где смерть лирического героя или персонажа непосредственно (т. е. контекстуально) сопряжена с мотивом реки.

В пространственной системе мифопоэтики Башлачева присутствуют локусы как профанного, так и сакрального характера. Причем главным сакральным местом становится природа: река, лес, поле. Эти три объекта так или иначе соотносятся со смертью, границей между мирами. Как мы уже отмечали, главным путем в сакральную потусторонность у Башлачева является

река. Но река не простая – это поток огня или крови. Вспомним песню «Посошок»: «Но гляди – на груди повело полынью. / Расцарапав края, бьется в ране ладья. / И запел алый ключ. Закипел, забурился. / Завертело ладью на веселом ручье. / А я еще посолил. Рюмкой водки долил. / Размешал и поплыл в преисподнем белье».

Если обратиться к песне «Пляши в огне», то в ней мы находим описание реки, вероятно, отделяющей мир живых от мира мертвых (некий аналог мифической Смородины): «Весело ли грустно, да по Руси по руслу речет река. / Как течет река в облака, а на самом дне / Мечется огонь, и я там пляшу в огне!»

Сакральность мотива реки в творчестве Башлачева постепенно возрастала. Вначале у поэта появляются мотивы, в которых мифологическая подоплека не была выражена ярко: это реки Шексна («Рождественская»), Колыма и Нева («Зимняя сказка»). В тексте «Петербургской свадьбы» (Нева, Енисей) и «Егоркиной былины» (Шексна) реки заметно мифологизируются, приобретают зловещую таинственность и даже некоторую inferнальность. Ну и «пиком сакральности» мотива становится безымянная река из композиций «Пляши в огне», «Посошок», а также «Ванюша».

Другим сакральным природным локусом в поэтической системе Башлачева становится лес, «где поляны... святы», да и Россия для поэта – это «седая лесная страна». Не будем забывать и об уже цитированных песнях «Ванюша» и «Посошок», где лес растет по берегам мифической реки. Лес этот состоит из деревьев, которые для Башлачева имеют также большое значение. В творчестве рок-поэта встречаются упоминания о березе, осине, клене, иве, ольхе, вишне, яблоне, ели. Каждое из таких деревьев (особенно яблоня из «Вечного поста» и вишня из одноименной песни) могут быть представлены как прообразы мифического мирового древа.

Третьим важнейшим природным локусом в мифопоэтическом пространстве Баш-

лачева становится поле, которое получает традиционно фольклорные эпитеты: «доброе» («Когда мы вместе»), «чистое» («В чистом поле – дожди», «Ванюша», «Не позволяй душе лениться»). Кстати, если Россия у Башлачева – «лесная страна», то русские «полевое племя», которые сейчас «на своем поле, как подпольщики». Мировое древо в поэтической вселенной рок-поэта также растет в поле: «В поле вишенка одна ветерку кивает» («Вишня»). В смысловом плане к полю у Башлачева примыкают и луг, степь, поляна – другие проявления открытого пространства.

Помимо сакральных природных локусов в поэтическом пространстве Башлачева присутствует ряд профанных мест, созданных человеком. И главное из них город: «В мифопоэтической и провиденциальной перспективе город возникает, когда человек был изгнан из рая и наступили плохие времена: человек оказался предоставленным самому себе и отныне заботиться о себе должен был он сам»². У Башлачева также нет любования городом: «города цветут синяками» («Некому березу заломати»), «а над городом – туман. Худое времечко», «Этот город с кровоточащими жабрами / надо бы переплыть» («Ржавая вода»).

Город у Башлачева является гибельным, inferнальным местом, и такая трактовка вполне обоснована мифологией. «С появлением города человек вступил в новый способ существования, который, исходя из прежних представлений и мерок, не мог не казаться парадоксальным и фантастическим: выживание и, более того, перспектива пути к максимальному благу, к обретению нового рая, заменой которого в «нерайских» условиях и был город, отныне были связаны с незащищенностью, неуверенностью, падшестью, в известном смысле – богооставленностью и, наконец, с трудом – страданием»³.

В профанном городе, изображаемом Башлачевым, присутствует некоторое число мелких локусов, и, как правило, это зда-

ния: «В новостройках – ящиках стеклотары / Задыхаемся от угара» («Дым коромыслом»). Нет практически у Башлачева строений и сооружений, которые ни несли бы на себе печати чего-то губительного и inferнального. Это и мельница из одноименной песни, кишащая то ли нечистью, то ли людьми «дна»; это и мифическое здание, скользящее в пространстве и времени, где «всю ночь правит бал Абсолютный Вахтер»; это и «калечные дворцы» Петербурга; и «казарма проблем» из песни «От винта!»; и башня из «Имени Имен»; это и трактир, где до смерти пьет Ванюша; и замок-сортир, символизирующий Россию; и белые палаты, продуваемые вьюгой («Лихо»); и «Палата № 6». Другие городские локусы также несут негативную коннотацию: «Да только кольцами года завиваются / В водоворотках пустых площадей» («Ржавая вода»).

Завершая беседу о зданиях, отметим, что самым сакральным сооружением испокон считалось родное жилище: дом «про-

тивопоставлен окружающему миру как пространство закрытое – открытому, безопасное – опасному, внутреннее – внешнему. <...> Согласно причитаниям и некоторым другим фольклорным текстам, небо с солнцем, луной и звездами, а также ветер и другие стихийные силы находятся как бы непосредственно за окнами и над печной трубой». Кроме того, дом в народной культуре – «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода»⁴. Однако у Башлачева эта мифологема инвертируется, и вообще в рок-поэзии часто встречается «полное развенчание классического образа дома»⁵.

Итак, сакрально-профанное разделение локусов (на основе оппозиции: природа – город) является важнейшим способом организации пространства в поэтической вселенной Башлачева. Причем все городские объекты (даже дом) становятся у поэта классификаторами профанной зоны, противопоставленной зоне природной и сакральной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М., 2001. С. 108.

² *Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121.

³ Там же.

⁴ *Топорков А. Л.* Дом // Славянская мифология: Энциклопедия. М., 1995. С. 168.

⁵ *Шинкаренкова М. Б.* Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 175.